

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНОВ Н. ДУМБАДЗЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

The perception of Dumbadze's novels in Russian translations

НАНА КАДЖАЯ (ГРУЗИЯ)

Nana Kajaia (Georgia)

Associate Professor, Batumi Shota Rustaveli State University

nana.kajaia@yahoo.com

Ключевые слова: авторская интенция, стилистические особенности, переводческая трансформация

Некоторая зашифрованность авторской интенции романов Н. Думбадзе часто является камнем преткновения для переводчиков, так как порой за словом, за фразой забывается автор и в результате в переводном тексте воссоздается лишь фактуальная информация, нивелируются авторские намерения. В русских переводах романов и рассказов Н. Думбадзе теряются стилистические особенности, а именно, нивелируется постепенность, градация в обрисовке характеров, обстоятельств в выявлении человеческих качеств. Трансформируется и архитектура рассказов. А также трансформация временных подробностей романов приводит в ряде случаев к нивелировке некоторых моментов авторского идиостиля.

Традиционный аллегорический образ произведений Н.Думбадзе -солнце представляется как своего рода ключ к пониманию художественно- эстетической позиции писателя. Оно наполнено особой «нравственно-социальной сущностью», «солнце становится символом жизни, бессмертия» (Элигулашвили 1972: 236). Поэтому эпизоды с символикой солнца приобретают статус ключевых отрезков, функция которых должна быть воссоздана на другом языке с наибольшей адекватностью. На наш взгляд, частности подобных отрывков нуждаются в подробном анализе, тем более, что почти все они претерпевают одинаковую правку на другом языке - несколько сглаживается думбадзевская манера повествования.

Таким важным в смысловом и художественном аспекте отрывком представляется сцена романа «Не бойся, мама!» - Исидор перед расстрелом. Понимая

значение отрывка текста, переводчиком З.Ахвледiani было проявлено большое мастерство при его воссоздании. Функции солнца в русском тексте сохраняются. Однако можно заметить, что этот сквозной для романа образ в переводе раскрыт несколько прямолинейно. В русском варианте сам символ - солнце отсутствует: «Жизнь - вечная, неистребимая - пульсировала и билась кругом, жизнь - любимая, желанная - струилась, наполняя собой каждую травинку, каждый листок, каждую песчинку». Он замещён его прямым смысловым субститутом «жизнь», который в оригинале только подразумевается и который заправлен чисто думбадзевской красочностью. Оригинал грузинскому читателю позволяет самостоятельно раскрыть художественно-смысловую наполненность символа. Русский читатель же лишён возможности почувствовать себя соучастником картины.

В оригинале наличествует немаловажный эпитет солнца - «ukanaskneli chirisufali». Отмеченная подробность помогает воссоздать солнце, как говорится, «в целостности его облика». А именно, солнце не только двигатель и спаситель, он же союзник человека, не оставляет его даже в предсмертные минуты. К сожалению, в русском варианте эпитет опущен, соответственно, несколько нивелируется авторское мнение.

Исцеление Исидора показано также аллегорически. Происходит символическая борьба двух образов - солнца (жизни) и «чёрного, словно черкесская бурка, неба» (смерти). В оригинале оба символа повторяются в одной фразе два раза, в результате чего обеспечивается напряжённость ситуации, показывается, насколько драматичной и сложной была борьба персонажа за жизнь. Повторение способствует созданию возвышенного тона, соответствующего характеру происходящего. Названные ключевые символы в русском варианте сохранены, смысловая ёмкость эпизода передана, но символ смерти лишний раз не повторяется, в результате чего напряжённость борьбы и эмфатичность эпизода несколько сглаживаются: «...Четыре месяца искал Исидор солнце на чёрном, словно черкесская бурка, небе. И лишь на пятом месяце он увидел его...».

Отметим эпизод, который интересен для понимания авторской установки. В данном эпизоде главный персонаж романа ищет своего друга детства - Або. Отрывок в силу своей динамичности, наглядности и живости впечатлений можно отнести к сценическим эпизодам. Подобный характер отрывка определил и речь персонажа. Ориентированная на самонаблюдение, самопознание и самоутверждение речь Авто

предельно субъективна, отрывиста, взволнованно-эмоциональна. Для воссоздания внутренней тревоги, напряжения персонажа Н.Думбадзе, как обычно, использует всякого рода повторения, гиперболизацию, степени градации накала чувств. В оригинале в данном эпизоде представлена речь человека, который заново переживает происшедшее, прошлое, поэтому в повествовании можно заметить даже приглушённое рыдание одинокого человека, человека, ищущего мать, друга детства и, соответственно, себя. Речь Авто усложняется, если в первой части монолога повествование велось в форме первого лица, то во второй части в неё вовлекается авторское слово, звучание которого постепенно усиливается, переживания персонажа передаются формой авторской речи от третьего лица. Размышление от личного явно переходит ко всеобщему, значимому, общечеловеческому. Соответственно, во второй части монолога повествование постепенно успокаивается (хотя и не доходит до «олимпийского» спокойствия). Повторения, многоточия, градация передают состояние внутреннего напряжения персонажа. В русском тексте смысловая сторона отрезка воссоздана вполне адекватно, однако несколько преобразуется экспрессивный фон, что вызвано неучтением ориентированности персонажа, которая в оригинале обуславливала его речевую структуру. За счёт устранения всевозможных повторений, градаций и других приёмов начальная часть отрывка на другом языке представляется чуть более спокойным и уравновешенным явлением, чем в оригинале. Отрезок лишается сценической живости, наглядности. С другой стороны, переакцентуация повествования от личного, субъективного ко всеобщему, объективному в русском тексте менее заметна и без знания грузинского текста вряд ли будет отмечена.

Так же интересно вовлекается авторское слово в повествование персонажа и в другом эпизоде. Рассказывая о границе и о судьбе села, автор применяет разнообразные, часто противоположные краски, желая достичь нужного эффекта: «Линия границы проходит по такой-то параллели, по такому-то меридиану. В результате, как видите, один брат, можно сказать, живёт по эту, а другой - по ту сторону границы» (Думбадзе 1986: 569). За этими сухими статистическими данными кроется трагедия: расколота семья. Общая беда - пожар на границе - объединила их. «В этот тяжёлый час словно исчезло расстояние, отделявшее друг от друга людей с той и этой стороны... Большое человеческое горе сблизило нас». Жители села знают, что такое боль расставания. Они немногословны в своей печали, в сердце хранят память и боль. Родина для них начинается не с лозунгов политиков и призывов военных, а с

границы, с расколотых семей. Идею Родины они хранят в сердце рядом с той же болью расставания. Изображая всё это, писатель прибегает к метафоре, которую трудно назвать условной: «gamoRma sofeli am dRes Sewuxebul mSobels hgavda, romelic gaTxovili avadmyofi Svilis sanugeSod iyo wasuli da valmoxdili Sin brundeboda». Приведём наш вариант перевода, поскольку данная мысль в русском тексте отсутствует: «Наша деревня в этот день была похожа на встревоженного родителя, который утешил больную замужнюю дочь и, исполнив долг, возвращался домой». Это не только мысль пограничника Джакели, в ней больше чувствуется мнение писателя. Даже больше: если до этой метафоры повествование велось от лица персонажа, то последняя фраза явно принадлежит только автору, человеку, умудрённому жизненным опытом, хорошо знакомому с историческими перипетиями судьбы родины. Так в оригинале происходит смешение голосов, вперёд выдвигается авторская речь (хотя здесь она занимает весьма малую «территорию»). И в отличие от предыдущих примеров, где доля авторского голоса усиливалась, то в итоге исключения метафоры на русском языке представлена сплошная речь персонажа, а авторское «резюме» потеряно.

В результате переводческих преобразований в русских переводах других произведений Н. Думбадзе меняется временная структура текстов. Например, в романе «Закон вечности» и рассказах категорию настоящего автор нагружает оценочным, направляющим характером, особенно в тех случаях, когда настоящее наполняется концептуальным содержанием. В подобных случаях уже настоящее объясняет, характеризует или направляет понимание будущего. Подобная реалистическая оценка изображаемого у Н.Думбадзе в основном выражается патетико-символически. Подобное проявление концептуального содержания с помощью временной категории можно уловить в концовках рассказов Н.Думбадзе, так, например, «В моём дворе лаяла собака» («Собака»), «Наступало утро...» («Не бойся, мама!»), Бачана ехал к Марии... («Закон вечности») и др. В подобных высказываниях, нами условно названных конструкциями с незавершённым действием, содержится образно-символическое указание на будущее, как на нравственный, этический ориентир настоящего, мерило оценки сегодняшних дел и событий. В русских переводах отмеченная художественная нагрузка сохраняется, однако несколько снижается патетико-символическое звучание оригинала.

Итак, анализ русских переводов произведений Н.Думбадзе позволяет утверждать, что в переводческих вариантах в ряде случаев трансформируется авторская мысль,

нивелируются особенности временной организации текста, во многом определяющие образный строй названных произведений.

ΛΙΤΕΡΑΤΟΥΡΑ

Бердников Т. Социальное и общечеловеческое в творчестве Чехова. «Вопросы литературы», №1, 1982.

Думбадзе Н. Собрание сочинений в 2-х томах. Тбилиси, 1986.

Элигулашвили Э. Солнечный день Н.Думбадзе. М., 1972.